

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

БАЛТИЙСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ ОВЦЫ И БАРАНА

В работах, посвященных анализу балтийской и славянской лексики, до сих пор пользуется популярностью тезис об односторонней направленности заимствований из славянского в балтийский — при почти полном отсутствии противоположного движения (тезис А.Брюкнера — О.Н.Трубачева). В области животноводческой лексики эта концепция нашла свое отражение, в частности, в одной из недавно защищенных кандидатских диссертаций (Проценко, 1985). Славянские балтизмы (довольно многочисленные в анализируемой этим автором лексике) или вообще обходятся молчанием, или не отмечаются как балтизмы. Например, блр. диал. *бонда* (также укр. диал. *бонда* "корова"), балтийское происхождение которого было убедительно обосновано А.П.Непокупным и другими авторами (см. Лаучюте, 1982, 9–10; там же — ссылки на литературу), не отмечается как балтизм. То же относится к блр. диал. *марга* "корова", *маргель* "бык" (ср. также *margis* и польские соответствия) — из лит. *margà* "пестрая", *mārgis*, *margėlis* "бык пестрой масти" и др. В диалектах польского языка лит. *margóji* "пеструха" было преобразовано с помощью славянского суффикса *-к-*: *margojka* idem. Ср. *žalojka* — из лит. *žalóji* (*kárvė*) "буренка", *baľnojka* из лит. *balnóji* "(корова) с белой спиной", *žebrojka* — из лит. *žėbróji* "пеструха", *szemojka* — из лит. *šėmóji* "(корова) пепельной масти", *jodis* — из лит. *júodis* "бык черной масти" и т.д. (примеры — из указанного словаря Ю.Лаучюте). Ср. также лит. *paršiukas* "поросенок" — слово, заимствованное во многие диалекты польского, белорусского, украинского и русского языков. Подобные факты свидетельствуют о сложном взаимовлиянии лексики балтийских и славянских языков, а не об односторонней направленности заимствований.

Не менее сомнительным является далеко идущий вывод Б.Н.Проценко о "более развитой овцеводческой терминологии" славян сравнительно с балтами (Проценко, 1985, 8). Этот вывод опирается на три предполагаемых "проникновения" из славянских языков в балтийские: лит. *ba/orõnas*, лтш. *avins*, др.-прус. *camstian*. Однако исконность двух последних балтийских слов до сих пор никто, кажется, не подвергал сомнению¹. Более того, лит. *āvinas*, лтш. *avins*, др.-прус. *awins* — общебалтийское название барана, очень рано

¹ См., в частности — (Fraenkel LEW, 28; Sabaliauskas, 1966, 16; Топоров, 1980, 197–200).

заимствованное в финно-угорские языки: фин. oinas и др. (Thomsen, 1890, 160; Kalima, 1936, 6-7). Как известно, балтийские заимствования в финно-угорских языках древнее германских и намного древнее славянских заимствований (Хакулинен, 1955, II, 39-49). Построено лит. āvinas по продуктивной балтийской словообразовательной модели: lāpē "лиса" → lāpinas "лис", avē, avīs "овца" → āvinas "баран", būrē "овца" → būrinas "баран", bāsē "овца" → bāsinas "баран" (и basinēlis "барашек"); ср. также родовое понятие: patē (patēlė) "самка" → pātinas "самец"². В отличие от балтийского, на славянской почве словообразовательная модель *овь(ца)* → *овиць* — уникальна, и если уж предполагать здесь "проникновение", то скорее — в обратном направлении³. Узкий диалектизм barōnas, воспринимаемый носителями литовского языка как варваризм, относится к поздней эпохе и говорит о степени развития овцеводческой терминологии не более чем, например, польский диалектизм baziutka "овечка" (из лит. baziūtė).

Помимо рассмотренных названий овцы и барана, в русских и литовских народных говорах имеется довольно большое количество подзвывов этих животных. Подзвывы эти очень часто неразрывно связаны с диалектными названиями овец, баранов или ягнят. Ср. подзвыв *баль-баль* и *балька* "овца", *быр-быр* или *бырь-бырь* и *бырка* "овца" (курск., воронежск.) или "ягненок" (брянск., орловск.), *бляш-бляш* или *бляша-бляша* и *бляша* "баран" (олонецк., тульск.), *бляшка* "баран, овца", *бляшутка* "овца" (псковск.). Примерно такая же картина наблюдается и в диалектах литовского языка.

Особый интерес представляют подзвывы и названия овцы и барана — общие для литовских и русских говоров. Так, лит. bas'-bas' и basià-basià совпадают с русскими диалектными подзвывами овец: *бась-бась* (сибирск.) и *бася-бася* (тверск.). Литовское название овцы bāsė, видимо, можно считать достаточно древним. Косвенно об этом свидетельствует рус. диал. *баша* "овца" — форма, восходящая, как и лит. bāsė, к *basja. Ср. лит. saūsė = рус. и болг. *суша* "сушь; засуха", лит. sėsė = серб.-хорв. sěša "сестра" и др. В отличие от слова *баша* (и *башка*), охватывающего значительную часть русских говоров, другое название овцы — *бася* — ограниченное новгородским и северо-двинским ареалом, возможно, следует рассматривать как балтизм.

Фонетически близкий подзвыв овец — лит. bazė-bazė и bazi-bazi можно найти лишь в русских говорах Литвы (*базя-базя* и *базь-базь*). Названия овец, связанные с этим подзвывом, засвидетельствованы только в литовском языке: baziūtė "овечка" (ср. польское заимствование: baziutka), baziukas, baziulis "ягненок".

² Здесь и ниже литовский материал дается по академическому словарю литовского языка (LKŽ), русский диалектный материал — по словарю русских народных говоров (СРНГ).

³ Говоря о древнем и.-е. названии овцы, нельзя не отметить, что лит. avīs имеет соответствия в др.-инд. áviḥ, др.-греч. ο(φ)ίς, лат. ovīs, др.-ирл. oí, в то время как в славянских языках форма с простой основой не сохранилась (ср. ст.-слав. ОВЬЦА, др.-инд. avikā, лит. avikė, а также лит. avikiena = чеш. ovčina "баранина", но др.-рус. *овьчина* "овечья шкура").

Другая большая группа названий овцы и барана связана с подзывами *barè-barè* = *burè-burè* в литовских и *бáря-бáря* = *бóря-бóря* в русских говорах. Рус. диал. *бáря* "баран" (архангельск.) и лит. *bùrè* "овца" (Krāžiai), а также производные *барыка*, *баринька* "овечка", *борей*, *борька*, *бараиш* "баран" (также слово, которым подзывают барана), лит. *bariùkas* = *buriùkas* "барашек", *burùlis*, *bùrinas* "баран", *buriké* "овечка" и др. — все эти слова свидетельствуют о том, что и в диалектной лексике как русского, так и литовского языка широко представлены названия овец, баранов и ягнят, этимологически связанные с подзывами *баря*, *боря* (из **бóря*), *barè*, *burè*.

Некоторые из русских диалектных названий овцы и барана, связанные с подзывами *баря* и *боря*, не могут быть убедительным образом объяснены на славянской почве из-за отсутствия соответствующих словообразовательных моделей. И здесь на помощь может быть привлечен материал литовского языка и его диалектов. Так, рус. диал. *борéй* "баран" (новгородск.) можно объяснить по модели лит. *-ė* (женский род) → *-ėjas* (мужской род), т.е. *bùrè* "овца" → **burėjas* (или **burėjus*) "баран" (=рус. *борéй*). В современном литовском языке суффикс *-ėj-* образует многочисленные *nomina agentis*. Однако, как отмечает П.Скарджюс, это не было древним значением суффикса.⁴ О более широком значении суффикса *-ėj-* свидетельствует, в частности, известная своим "консерватизмом" топонимика: *Dėglė – Deglėjus'* название леса (Vanagas, 1970, 111).

Рус. диал. *бóриша* "овца" (олонецк.) было образовано как лит. *bóba* "баба" → *bóbšė*, *kumėlė* "кобыла" → *kumėlšė* "кляча" (Skardžius, 1943, 316), ср. лит. *bùrè* "овца" → **bùršė* (=рус. *бóриша*). В качестве заимствования из лит. **bùršė* следует, по-видимому, рассматривать рус. диал. *бóришá* "овца" (новгородск., коми-пермяк.), ср. также *бóриши* "ягнята".

Приведенные выше примеры позволяют предложить новую этимологию русского слова *баран* и его славянских соответствий. Имеющиеся этимологии этого слова трудно признать удовлетворительными. Они обычно построены лишь на созвучии, изолированы от других диалектных названий барана и овцы, не объясняют, как именно было построено слово. Предполагаемая связь с и.-е. **bher-* "резать", допускающая, как и в случае со словом *боров*, исходное значение "кладеный" (ЭСРЯ 1, 39), представляет собой типичную "корнеотсложную" этимологию.

Ссылки на близко звучащие и.-е. слова и на альпийское происхождение слова, восходящего к подзывному междометию *ber-* в этом отдаленном ареале (см. Фасмер, 1, 123), справедливо были отвергнуты О.Н.Трубачевым (ЭССЯ 1, 157). Однако еще менее правдоподобно предположение о тюркском заимствовании (Трубачев, 1960, 74–76) или тюркском посредничестве при заимствовании из иранского (ЭССЯ 1, 158). Наличие слова в чешском, словацком и польском языках при его, по сути дела, полном отсутствии в южнославянских

⁴ "Taigi priesaga *-ėja-* iš pradžios negalėjo būti specialiai vartojama nomina agentis... ji tada, be abejonės, buvo vartojama daug laisviau ir plačiau" (Skardžius, 1943, 84).

языках⁵, — слишком необычный ареал для предполагаемого тюркизма. Тюркские названия барана, на которые можно было бы здесь опереться, в действительности, сами были заимствованы из русского языка (Фасмер, 1, 124).

В.В.Мартынов, видящий в слове *баран* "италийское проникновение", ссылается на лат. *perō*, *perōnis* "салог из сыромятной кожи" — этимологически темное слово, совершенно изолированное в латинском языке. Предположение о том, что это был салог из бараньей кожи (Мартынов, 1978, 32–33), — совершенно произвольно и ничем не аргументировано. Не оправданно это сопоставление и фонетически: *p* → *b* (?), *e* → *a* (?).

Обратимся, однако, к балто-славянскому ареалу. Подзвг гусей *gāgi*–*gāgi* (или звукоподражательное *ga-ga*) дает производное *gāgan* "гусак" (самарск.) — подобно тому, как лит. диал. *gāgas* "гусь" → *gagōnas* (Skardžius, 1943, 274). Точно так же подзвг *бари-бари* (или *бар-бар*) дает производное *баран*. В литовском языке — по той же самой модели — *barė-barė* (ср. *būrė* "овца") могло дать **barōnas*. Хотя лит. *barōnas* "баран", по общему признанию, является славизмом, слово это вполне естественно вписывается в лексику литовского языка. Словообразовательная модель, по которой образуются производные на *-onas*, надежно засвидетельствована в литовском языке — как в апеллятивной (*dirvā* → *dirvōnas*), так и в ономастической (*Dubrā* → *Dubrōnas*) лексике (Skardžius, 1943, 273–274).

Диалектная форма *барáш* "баран" (вятск.) относится к рассмотренным выше названиям барана с междометной подзвжной основой *бар-* так же, как форма *крякáш* "утка кряква" — к *кряка idem* и к звукоподражательной междометной основе *кряк-*. И здесь опять далеко не очевидная на славянской почве словообразовательная связь между формами *баран* и *барáш* проявляется сквозь призму архаичного литовского словообразования, отраженного в гидронимии: *барáн* (**barōnas*) : *барáш* (**barōšius*) = река *Ramōnas* : озеро *Ramōšius* (Vanagas 1981, 272).

Мнение о заимствованном характере рус. *баран*, высказывавшееся в литературе, представляется маловероятным — в связи с рассмотренным выше материалом. Ссылка на расхождения в корневом вокализме *bar-/bor-/ber-* (Sadnik-Aitzetmüller, 1968, 4, 240) не убеждают в иноязычном происхождении рус. *баран* / *боран* / чеш. *beran* "баран". Все три типа огласовки отражены в русских диалектных формах *бáрька* "овечка" / *бóрька* "баран" (ср. лит. *burikė* "овечка") / *берька* "поддельная мерлушка на зимней шапке" ← **"овца"* (вологодск.)⁶. И во всех трех случаях засвидетельствованы подзвгвы с той же огласовкой: *баря*, *барь* (лит. *barė, barì*), *бóря* (лит. *burė*) и *берь*

⁵ "Im Südslavischen existiert das Wort nicht" (Sadnik-Aitzetmüller, 1968, Lief. 4, 240). Сербо-хорватские диалектные образования типа *бáра*, *барица*, *баран*, *бараст*, *барзан* обозначают различных животных: козу, овцу, свинью черно-белой масти (преимущественно козла или козу). Этимологически Л.Садник и Р.Айцетмюллер (loc. cit.) эти слова убедительно связывают с *бараст* "черно-белый (о масти)". Возражения О.Н.Трубачева (ЭССЯ 1, 157) не представляются убедительными.

⁶ Семантически ср. рус. диал. *бырка* 1) "овца", 2) "овечья шкура", 3) "мерлушка", 4) "шапка с околышем из шкуры ягненка" (СРНГ, s. v.). Ср. также др.-инд. *mesā-* "баран" и ст.-слав. *МѢХЪ*.

(пензенск.). Попытка О.Н.Трубачева объяснить огласовку др.-рус. *боранъ* и чеш. *beran* действием диссимилиации (ЭССЯ 1, 137) никак не может быть признана удачной. Во-первых, если взять действительный (а не мнимый) тюркизм *кабан*, то от него почему-то не засвидетельствовано ни одной формы с подобного рода диссимилиацией. Во-вторых, ни у подзыва *барь*, ни у слова *барька* не было никаких условий для диссимилиации. Между тем, все три типа огласовки полностью совпадают у подзывов и у слов *баран*, *боран*, *beran*. Поэтому излишне категоричный вывод О.Н.Трубачева: "вне всяких сомнений слово **baranъ* заимствовано слав. языками" из тюркского (ЭССЯ 1, 137-138) следует столь же категорично отвергнуть.

Из других названий овцы, имеющих близкие образования в диалектах литовского и русского языков, можно отметить лит. *kùsė* "овца" (в языке детей), *kusà* "подзыв овец" и рус. *кыча* "овца" (вологодск., архангельск.), *кытя idem* (в разговоре с детьми — курск., тульск.), *кыть-кыть* "подзыв овец". Здесь русские и литовские формы различаются лишь количеством гласного *u*: **kutja* > лит. *kùsė* (с детской артикуляцией), **kūtja* > *кыча* (как **světja* > *свѣча*).

Наконец, особый интерес представляет балто-южнославянская изоглосса: лит. *ragānė*, лтш. *ragana* "рогатая овца" (М.-Е. III, 464) — сербо-хорв. *rogoňa* "баран с длинными рогами" (подробнее см. Откупщиков, 1977, 274-275). Выходя за рамки поздних пограничных балто-славянских контактов, эта изоглосса свидетельствует о тесных связях между двумя семьями индоевропейских языков в области животноводческой (в частности — овцеводческой) терминологии.

В целом, балто-славянские отношения в области лексики, связанной с названиями овцы и барана, отражают разные хронологические слои: 1) лит. *āvinas* — др.-рус. *овьнъ*, лит. *vilna* — рус. *волна* имеют соответствия в родственных индоевропейских языках; 2) лит. *ėras*, лтш. *jērs* — рус. *ярка*, лит. *ragānė* — сербо-хорв. *rogoňa* представляют собой балто-славянские образования; 3) рассмотренные в начале статьи диалектные названия овцы и барана, по-видимому, связаны с более поздними ареально ограниченными балто-славянскими контактами. Здесь среди общей диалектной лексики русского и литовского языков зачастую трудно провести четкую грань между исконно-родственными словами и заимствованиями, имевшими место в условиях тесных этно-языковых контактов. Во всяком случае, у нас нет никаких оснований говорить об одностороннем влиянии славянской овцеводческой терминологии на балтийскую. Более того. Словообразовательный анализ русских, польских и литовских диалектных названий и подзывов овцы и барана свидетельствует скорее о их более балтийском, нежели славянском характере (не говоря уже о прямых заимствованиях типа лит. *baziūtė* → польск. *baziutka* "овечка").

Что же касается более ранней эпохи, то наличие древнейших заимствований из балтийских языков в финно-угорские (*āvinas*, *ėras*, *vilna* и др.) убедительно говорит о независимом характере балтийской овцеводческой терминологии, сформировавшейся в столь отдаленную эпоху, когда ни о каких славянских "проникновениях" не могло быть и речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Лаучюте Ю.А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.
- Мартынов В.В. Балто-славяно-италийские изоглоссы. Лексическая синонимия. Минск, 1978.
- Откупщиков Ю.В. О происхождении лит., лтш. *ragana* "ведьма" // "Baltistica", 1977. Т. 13(1).
- Проценко Б.Н. История названий животных в славянских языках. АКД. Минск, 1985.
- Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь I-К. М., 1980.
- Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964, Т. 1.
- Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Лексикология и синтаксис. Ч. II. М., 1955.
- ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка. М., 1963. Т. 1. Автор-составитель Н.М.Шанский.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О.Н.Трубачева. Вып. I. М., 1974.
- Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg-Göttingen, 1955.
- Kalima J. Itämerensuomalaisten kielen balttilaiset lainasanat. Helsinki, 1936.
- М.-Е. — Mühlenbach K.-Endzelin J. Lettisch-Deutsches Wörterbuch. Bd. 1. Riga, 1923.
- Sabaliauskas A. Lietuvių kalbos leksikos raida // "Lietuvių kalbotyros klausimai", 1966. Т. 8.
- Sadnik L.-Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Lief. 4. Wiesbaden, 1968.
- Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. V., 1943.
- Thomsen V. Beröringen mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) sprog. Kobenhavn, 1890.
- Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. V., 1970.
- Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. V., 1981.

BALTŲ IR SLAVŲ KALBŲ AVIES IR AVINO PAVADINIMAI

Reziumė

Straipsnyje apžvelgiami baltų ir slavų kalbų (tarmių) avies ir avino pavadinimai, analizuojama jų daryba iš šaukimo žodžių (pvz., liet. *bas'-bas'*, *basià-basià* ir *bāsė* "avis", rusų tarmių *бась-бась*, *бáсь* "avis", liet. *bazė-bazė*, *bazi-*

bazi ir baziutė "avis", baziukas, baziulis "ėriukas", Lietuvos rusų tarmių *базя-базя, базь-базь*, lenkų *baziutka* "avytė"). Daroma išvada, kad su avies ir avino pavadinimais susijusi baltų ir slavų kalbų leksika atspindi įvairius chronologinius sluoksnius: 1) liet. *āvinas* — sen. rus. *овѣнь*, liet. *vilna* — rus. *волна* turi atitikmenų giminingose indoeuropiečių kalbose; 2) liet. *ėras*, lat. *jērs* — rus. *ярка*, liet. *ragānė*, lat. *ragana* "raguota avis" — serbų-kroatų *rogoňa* rodo baltų ir slavų kalbų žodžių darybą; 3) įvairūs tarminiai pavadinimai sietini su vėlesnių laikų geografiškai ribotais baltų ir slavų kontaktais. Nėra pagrindo kalbėti (kaip daro kai kurie kalbininkai) apie vienpusę slavų kalbų avininkystės terminijos įtaką baltų kalboms. Priešingai, rusų, lenkų, lietuvių tarmių avies ir avino pavadinimų iš šaukimo žodžių daryba leidžia manyti, kad jie būdingesni baltų kalboms nei slavų. Seniausi finų kalbų baltizmai (*āvinas, ėras, vilna* ir kt.) rodo, kad baltai savo avininkystės terminiją turėjo jau tais laikais, kada slavų terminijos "prasiskverbimo" dar negalėjo būti.